

ПОКАЯНИЕ

Исповедь матери наркомана

А. Шеронова

Санкт-Петербург
2011

Шеронова А.

Покаяние. — СПб.: МРО ХВЕП «Христианская Миссия», 2011. — 144 с.

Твой ребенок — наркоман... Что может быть ужаснее? Тому, кто этого не переживал (Слава Богу!), трудно представить себе все муки материнского сердца, столкнувшегося с этим вселенским злом. Вот почему небольшая книга простой женщины, которую она назвала «Покаяние», послужит и предостережением для родителей и даст яркое представление о том, что переживают семьи, не сумевшие уберечь своих детей от смертельной опасности наркотиков.

Будьте бдительны, призывает всех родителей автор. Любите детей, боритесь за них, боритесь, — вы не одиноки, с вами Бог. Надо лишь призвать Его на помощь, и вы победите.

© Издание на русском языке. Издательство «Библейский взгляд», 2011.
Все права защищены международным законодательством об авторских правах.

Ответственный редактор *А. И. Шапошников*

Редакторы: *О. О. Сосновская, В. С. Волкова*

Корректор *Н. А. Акинина*

Компьютерная верстка: *А. Б. Кодак*

Подписано к печати 15.11.2011. Формат 60 × 88¹/₁₆.
Печать офсетная. Объем 9 печ. л. Тираж 999 экз. Заказ

Местная Религиозная Организация Христиан
Веры Евангельской Пятидесятников «Христианская Миссия»
198188, Санкт-Петербург, ул. Подводника Кузьмина, д. 46

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93. Код ОКП 953140

Отпечатано с готовых диапозитивов в Типографии «ИНФОЛ»
Санкт-Петербург, ул. Рентгена, д. 1

*Благословен Господь, ибо Он
услышал голос молений моих.
Господь — крепость моя и щит мой;
на Него уповало сердце мое,
и Он помог мне, и возрадовалось
сердце мое; и я прославлю Его
песнью моею.*

Псалом 27:6, 7

Предисловие

ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ все чаще приходят воспоминания о прожитом и пережитом. Говорят «время лечит», а еще, перед тем как окончательно излечиться, болезнь «выбаливает», причиняя последнюю боль. Это сейчас происходит и со мной. Моя исповедь — попытка помочь родителям понять: какая бы трагедия ни произошла с вами или в вашей семье, не нужно искать виновных вовне, прежде всего загляните в себя, причину нужно искать в себе. Может, пришло время посмотреть правде в глаза, какой бы жестокой и обличающей она ни была? Может, настало время раскаянья? Очень хочу верить, что мой опыт будет полезен. Я должна поделиться этим с вами.

Господи, как же тяжелы воспоминания! Постоянно ловлю себя на мысли, что они заставляют меня вновь и вновь переживать все так же ярко и болезненно, несмотря на прошедшее время. Иногда, просматривая семейные фотографии, я закрываю альбом, потому, что сразу приходит мысль: «А Антон в это время уже кололся. Оказывается, он поступил так, потому что...» — И я погружаюсь в вязкую пучину воспоминаний. Музыка, одежда, остановка у дома, погода, лица, — все может стать причиной и выстроить ассоциативный ряд, который всегда приводит к одному и тому же — воспоминаниям и боли. Боль нестерпимая, физическая. Гос-

поди, куда же от этого может спрятаться мать, пережившая со своим сыном все круги ада и прошедшая рядом с ним все испытания. Но самое страшное — это чувство вины за происшедшее.

Конечно, я не претендую на особенность или уникальность нашей истории жизни, но, наверное, этим она и страшна, что это история тысяч и тысяч семей, прошедших горнило, испытание болью, разочарованием, пустотой. Очень хочется рассказать обо всем простыми, понятными словами, чтобы любой человек, переживший это или переживающий сейчас, мог сказать: «Да, мне все понятно, и с нами было так же». Хочется, чтобы вы поверили моим словам и поняли — СПАСЕНИЕ ЕСТЬ! СПАСЕНИЕ РЯДОМ!

Что ж, сейчас я готова вновь пережить все ради помощи и спасения наших детей, готова честно обо всем рассказать. Господи, помоги мне!

Глава 1

1 СЕНТЯБРЯ 1995 ГОДА. Думаю, эту дату можно назвать отправной точкой произошедшего далее. Хотя история началась гораздо раньше, именно эта дата врезалась в нашу память.

Серые девяностые. Слякоть в стране, слякоть в душе. Будто находишься на улице в промозглый, дождливый день, и нет солнца!

Разгул преступности, развал в стране и умах, потоки грязи, хлынувшие к нам без всякого запрета. Мы жили в обычном промышленном городе, каких огромное множество в нашей стране. Но была и отличительная особенность — город является крупнейшим производителем оружия, а стало быть, одним из криминальных центров со всеми вытекающими последствиями. Подростковые группировки, живущие по понятиям, одурманивающая привлекательность вседозволенности, культ бандита и вора, а главное — безнаказанность.

Антону 11 лет. Он маленький, худенький мальчик, очень болезненный, но Господь дал ему другие дары — доброе сердце, ум, артистизм и врожденный аристократизм. Знаю, последняя фраза вызвала улыбку, но поверьте, потом вы поймете, о чем я говорю.

Семья была финансово обеспеченной, Антон не чувствовал недостатка ни в чем. Не хватало главного — любви.

В силу своего характера он был веселый, очень общительный мальчик. Любил с мальчишками погонять футбол, собирал наклейки с футболистами (думаю, вы помните это всеобщее детское увлечение тех лет). Умел найти общий язык с любым человеком — взрослым или ребенком и был душой любой ребячьей компании. Задатки лидера в нем проявлялись все сильнее, и он никогда не был один.

Каждое лето Антон уезжал в деревню на Волгу к бабушке и дедушке. Это было самое счастливое время в его жизни. Друзья, любимые бабуля с дедулей, озера, рыбалка, солнце, — полное ощущение счастья. Абсолютный контраст с тем, что ожидало его дома.

Наша семья не осталась в стороне от общей участи. Как и страна, она разрушилась с грохотом и треском под напором папиного алкоголизма и моей пассивности в борьбе за семейное счастье. От постоянных скандалов любовь ушла, оставив горечь разочарования. У меня не хватило терпения, мудрости и женской хитрости, чтобы переломить ситуацию. Муж работал «опером» в одной из колоний нашего города, и «зоновский» стиль общения в полной мере практиковал дома. Удивительно, но он умело скрывал свое истинное лицо, и эта черта передалась сыну. Никто не понял меня, когда я подала на развод, и лишь когда поделилась с друзьями тайнами нашей семейной жизни — все встало на места.

Беспобудное пьянство, рукоприкладство, так называемая «дрессировка собаки» в присутствии сына, ругань и ссоры, обещания без исполнения, а главное — цинизм и жестокость в отношениях.

В тот день, когда муж утром уходил на работу, Антон попросил: «Папа, купи, пожалуйста, дыню. Сегодня 1 сентября, приходи пораньше!» Папа пришел, как всегда, в час или два ночи в стельку пьяный и злой.

Как порой причудливо устроен человек. Несмотря ни на что или вопреки всему — Антон очень любил отца. Не знаю, как это назвать, но это была даже не любовь, а какая-то болезненная зависимость, вечное желание обратить папино внимание на себя, заслужить его любовь, завоевать, добиться, наконец. А папа был глух и безразличен, несмотря на то, что сын — копия отца во всем: внешность, привычки, манера говорить, смотреть футбол, все — вплоть до поворота головы или улыбки. Но ничто не трогало жестокое сердце.

Антон весь вечер, ожидая отца, бегал от окна к окну, звонил на работу и ждал... Ждал, что папа вспомнит и придет с дыней, придет к нему, ведь он его так любит. Но чуда не произошло. Все было как всегда — в тысячный раз. Мои слезы и упреки, пьяная истерика отца с размахиванием кулаками, тихое всхлипывание сына в спальне.

Этот случай, сам по себе не являющийся чем-то особенным для нашей жизни, стал той самой «последней каплей». Терпение кончилось. Конечно, вначале муж воспринял это как очередную попытку воспитания. Мы всегда так жили, с самого начала. Не зря говорят, что женщина как сапер, — ошибается один раз. Я ошиблась, и жизнь взорвалась. Поняв, что должна разорвать это бесконечное страдание, прожив вместе долгих 12 лет, решила на развод. А ведь когда-то я мучительно любила этого человека, прощая и оправдывая все.

Но, слава Богу, страшное наваждение прошло, и я решила: если не удалось сохранить семью, то нужно оградить сына от жестокости отца. Антон часто просыпался и вскрикивал по ночам, плакал без причины, много болел, а главное — он был очень одинок. Я только сейчас понимаю это. Мы, взрослые, были так заняты собой и своими переживаниями, считая, что если ребенок одет, обут, сыт, имеет хорошие игрушки, то о чем же ему еще мечтать? А он мечтал! Мечтал о люб-

ви к нему, мечтал о любви в семье, о тихой радости прогулок с папой и мамой, о плюшевом мишке, чтобы не было страшно спать, когда мама с папой ругаются. Мечтал, чтобы папа был трезвый вечером и поиграл с ним в футбол на глазах друзей, чтобы он с гордостью мог сказать: «Это мой папа!», чтобы он пошел с ним смотреть фейерверк. Как-то 9 мая Антон очень хотел пойти смотреть салют на площадь. Он с утра договаривался с папой, но к вечеру отец был мертвецки пьян. Антон знал, что все его друзья пойдут с папами на площадь. Муж спал, а сын плакал, кусая губы, в бессильной обиде.

Когда сын пошел в первый класс, мы купили чудесного щенка черного терьера, и эта собака стала для него единственным надежным другом и любящим существом. Антон был очень привязан к нему, и пес платил преданной любовью, дарил радость, чувство уверенности, нужности и даже некоторые преимущества в мальчишеской среде. Конечно, любому польстит, когда рядом большой, натренированный пес, способный защитить в любой ситуации, а Антону так не хватало чувства защищенности в жизни.

Господи, где же были мои глаза, почему мое сердце было таким глухим и жестоким? Я же люблю моего мальчика, почему я думала только о своей боли, о своих обидах, более того, я сделала из него жилетку, в которую плакалась, рассказывая, какой изверг наш отец. Где же это маленькое существо нашло столько сил и любви к нам — к эгоистам, очерстевшим в своих проблемах и лишившим его обычных радостей детства? Где найти слова прощения, и почему понимание и раскаяние приходят к нам так поздно?

Меня сопровождала глубокая депрессия и разочарование в жизни, болезни, обострившиеся на фоне подавленного настроения. Именно в это время я начала усиленно читать философскую литературу, пытаюсь найти ответы на вопро-

сы «Почему я? Почему со мной это происходит?» Именно тогда начался надрывный поиск истины.

Развод был мучительным и долгим, и в это время Антон, будучи рядом со мной как друг, как поддержка, в полной мере испытал все. И это в 12 лет! Несколько судебных разбирательств, ужас взаимных упреков, оскорблений и ВСЕ. Развод.

Конечно, это тяжело, но как позже выяснилось, основной удар трагедии пришелся на Антона. Он и раньше был одиноким мальчиком, ему не хватало внимания, душевной теплоты и любви своих родителей. Внешне все казалось вполне благополучным, но дети всегда чувствуют фальшь. Если я пыталась поговорить или поиграть с ним, а сама в это время думала: «Когда вернется Саша, пьяный он будет или нет, сразу уснет или будет скандалить», так о какой искренности мы говорим. После развода Антону легче не стало. Его любимый папа и раньше не отличался добротой, а тут просто превратился в мучителя. Он звонил Антону по поводу и без повода, всегда пьяный и злой на меня, выговаривая ребенку всякие гадости. Я предлагала Антону не говорить с отцом, чтобы уберечь его нервную систему от негатива и агрессии, но каждый раз, взяв трубку, сын так надеялся услышать от папы добрые, ласковые слова. Жаль, чудес не бывает!

Почти сразу после развода я познакомилась с замечательным человеком. Я воспринимала эту встречу как дар небес, как глоток свежего воздуха. Мы полюбили друг друга, но он был женат и имел обязательства, которые не мог нарушить. Его жена была серьезно больна, и чувство ответственности не давало ему возможности поступить так, как он хотел. Костя был из так называемых «новых русских», грамотный и талантливый финансист. Мы тайно встречались. Это продолжалось 3 года, и я не боюсь сказать, что это были самые счастливые годы в моей жизни. Костя полностью взял на себя

поддержку нашей маленькой семьи. Каждое лето мы с Антоном отдыхали на море, ремонт квартиры, дорогие подарки, машина, украшения, но поверьте, не это было главным. Костя был романтиком, трогательным и нежным. Он ухаживал за мной так изысканно, так красиво... Я благодарила судьбу, что встретила этого человека и узнала, что значит быть любимой и счастливой женщиной. В моей жизни была красивая страсть! Теперь я понимаю, что это была именно страсть, а не любовь, но тогда моей измученной, исстрадавшейся душе было все равно. Тогда я радовалась, что мы с сыном обрели покой, надежную защиту и поддержку во всех жизненных трудностях.

В нашем доме всегда стояли великолепные букеты цветов, он звонил утром, чтобы пожелать мне доброго утра и рассказать, какая погода. Звонил вечером, чтобы пожелать спокойной ночи. Не важно, где он был, — в Париже или Нью-Йорке, Петербурге или Таиланде, он всегда находил время позвонить и в очередной раз признаться в любви или сказать, как он скучает. Но самое чудесное — он писал мне стихи. Нежные, трогательные, великолепные. Я до сих пор храню их, как дорогую память о чудесном чувстве.

Наши отношения были такими неповторимыми, что я порой сама не могла поверить в свое счастье. Разве можно рассказать об этом чувстве, сотканном из тысяч нежных фраз, взглядов, сумасшедших поступков и юношеской бесшабашности. Именно это ощущение счастья спасло меня от одиночества и отчаянья после развода. Моя жизнь была серой и однообразной в своем ужасе, а Костя, как волшебный художник, разрисовал ее всеми красками радуги и сделал меня счастливой.

А как же Антон? Отношения с отцом были все такими же мучительно надрывными. При разводе муж сказал: «Ты еще

приползешь ко мне, кому ты нужна, еще попросишь меня вернуться». Этого не произошло, и Сашу это страшно раздражало. А на ком он может выместить зло — конечно, на Антоне. Я не позволяла себя оскорблять, да и вообще не разговаривала с ним. Зачем? А Антон продолжал надеяться. Прошло время, сын думал, может папа опомниться, он же его единственный сын, близкий человек. Но муж так не думал. Образ сына у него теперь отождествлялся со мной, а мне нужно мстить. Вот он и мстил родному сыну — жестоко, беспощадно. Причинять боль незащитному всегда просто, а муж, будучи алкоголиком, не знал чувства меры в своих изощренных обидах. Я, как могла, пыталась оградить сына от этого, но Антон вновь и вновь пытался найти в Саше ОТЦА.

Несмотря ни на что, эти годы можно назвать счастливыми и для Антона. Сын подружился с Костей и очень привязался к нему. Антон никогда не чувствовал такой теплоты и мужской заботы, да и я, будучи счастливой, была совсем другой мамой. Сын уважал его за доброту, искренность, спокойный и уравновешенный нрав, за то, что Костя был состоявшимся, успешным человеком, сумевшим добиться в этой жизни очень многого благодаря знаниям и целеустремленности. И, главное, он всегда держал данное слово, а это приносит чувство надежности и уверенности.

Когда мы встречались с Костей, Антону было 12, 13, 14 лет. Возраст, сами понимаете, сложный и противоречивый. Если вы помните историю нашей страны, то именно эти годы можно было назвать относительно благополучными перед дефолтом. У людей появилась дорогая аппаратура, видео стало обычным делом, детские компьютерные приставки, дорогие магазины, отдых за границей, который могли позволить себе многие. Казалось, жизнь налаживается. Но была и другая сторона жизни. За этой яркой витриной мы не рас-

смотрели ее, не были готовы к последствиям. Да и кому было готовиться? Всем было не до этого. Масса других, более важных дел, бурные обсуждения политических дразг, коррупции, раздел недр и других богатств страны, скандалы с «пирамидами», а после дефолта — вообще вопрос выживания.

Так вот, возвращаясь к нашей жизни. Антону 12–13 лет. На улицах городов царит детская преступность, подростковые группировки держат в своих руках все, что осталось не прибранным от взрослых бандитских групп. Да и сами подростки стали подручными и помощниками старших бандитов. Кураторов подростков так и называли «старшие». Быть бандитом модно и престижно, а то, что они сотнями лежали на кладбище, — кого это волнует! Автоматные очереди среди дня, передел собственности, рэкет, громкие убийства, — вот они реалии дня. К этому уже настолько привыкли, что вообще перестали обращать внимание. Как будто так было всегда.

На фоне подростковых изменений, психологических и моральных проблем Антон становился замкнутым. Обида, боль, разочарование, непонимание, отсутствие внимания с моей стороны и любви со стороны отца, — все это требовало реванша. Любой ценой. Нужно было самоутвердиться, доказать всем, что он «крутой». Хотя внешне он казался благополучным мальчиком, и не нужно было никому ничего доказывать, в душе ему казалось, что весь мир знает о его боли и обиде. «Почему?», «За что?» Он не мог объяснить, не хотел с этим мириться. Он вступил во внутренний конфликт с отцом, думая: «Ты не хочешь меня замечать, так я заставляю тебя обратить на меня внимание!» Бывший муж был опером на «зоне», а сын стал дружить с лидерами преступной группировки. Такова психология подростка. Ему казалось, что только так он сможет проявить себя, да и «старшие» рассмо-

трели в этом худеньком интеллигентном мальчишке большие задатки.

Кругом царил беспредел. На рынке тонны наркотиков — новое повальное увлечение молодежи. Об этой трагедии и сейчас-то мало говорят, а тогда... Мало кто вообще знал об этом что-либо. Барыги и дельцы от наркомафии все активнее осваивали рынок. Препятствий не было, делай что хочешь. В стране хаос, вот и ловили в этой мутной воде большую и маленькую рыбку. Именно тогда Антон стал членом одной из преступных группировок, занимающихся распространением героина. Элита мафии — самые большие прибыли, самые легкие деньги, самые сильные соблазны. Начиналось все очень банально. Антон умел говорить — не просто говорить, а «грамотно разводить». Он нашел себя в этом, и за очень короткое время завоевал уважение у «старших». Антону 14 лет. На улице и в школе его боялись и уважали. Первые «косячки» пошли именно тогда. Денег в его карманах было столько, сколько я не зарабатывала. В школу и из школы его возила машина, девочки, бары — весело. Но я тогда ничего об этом не знала и даже не подозревала.

1998 год. Дефолт. Банк обанкротился, служащие оказались на улице, среди них и я. Но беда не приходит одна. До этого момента я жила в какой-то сказке, но сказки заканчиваются, и не всегда имеют счастливый конец. Моя сказка закончилась очередной трагедией. Человеческая зависть и коварство — это самое страшное оружие. Оно способно уничтожить все. У меня была «лучшая подруга», мы дружили семьями. После развода она всячески поддерживала меня и была со мной, как мне казалось, очень искренней. Начав встречаться с Костей, я наивно полагала, что могу делиться с Любой всеми своими секретами и сокровенными мыслями. Как жестоко порой мы ошибаемся в людях! Хотя, наверное,

все было закономерно — на чужом несчастье счастья не построишь! Я не буду вас утомлять перипетиями всех событий, скажу лишь, что, умело воспользовавшись моей доверчивостью и сложным периодом в наших с Костей отношениях, в результате виртуозной интриги и лжи она рассорила нас. Люба вновь умело выступила в роли утешительницы «разбитого сердца», но уже Кости. Мы расстались, а Люба с Костей начали встречаться и затем поженились.

Потеря любимого, двойное предательство, потеря работы, в результате — глубокая депрессия, длившаяся 2 года. И вновь те же вопросы, мучившие меня после развода, вновь пустота и горечь. Именно тогда, буквально проглатывая философскую литературу, я стала задумываться о Боге, о том, что неправильно живу и поэтому страдаю. О том, что Господь воспитывает меня и дает испытания, дабы укрепить мой дух и очистить помыслы, дать знание природы человеческой и преподнести уроки жизни. Но все мои представления о Боге складывались лишь из моих размышлений, основанных на жизненном опыте, общих знаниях и литературе. Разве можно было догадаться, что главные мои уроки начнутся чуть позднее.

Я потеряла всякий интерес к жизни, но по воле Бога работа сама нашла меня, став новым спасением. Я продала машину, вложила деньги в совместный бизнес с друзьями и стала соучредителем сети магазинов автозапчастей. С головой ушла в работу и вновь потеряла контакт с сыном, которого, как выяснилось, не было уже давно. Осваивая новое для меня дело, трудилась по 12 часов. Работа, постоянные ревизии, домой приходила поздно, Антон уже спал. Общались только по телефону. Именно тогда моя мама впервые начала подозревать неладное. Пыталась достучаться до меня, но где там... У меня же очередная трагедия: я в депрессии, видите ли.

А что же Антон? Ему 15–16 лет. О том, что тогда происходило, я узнала много позже. Начав принимать наркотики в 9-м классе, в 10-м он уже плотно сидел на героине. Он был умным наркоманом, генератором идей, способным просчитывать, оценивать ситуацию и принимать решения, хитрый и изворотливый, настолько умело манипулирующий всем и вся, что сумел сохранить лицо, выражение глаз и улыбку чистыми, дьявольски обаятельными. Внешне он всегда был улыбчив, приветлив, модно одет. Помните, я говорила о врожденном аристократизме. Так вот, иногда слушая о нем отзывы наших знакомых, я удивлялась тому, как естественно он использует светские манеры для создания образа, — подать руку, пододвинуть стул, подать пальто, сделать изысканный комплимент, помочь в выборе одежды или парфюма, предупредительно заслонить от брызг проезжающей машины. У него были десятки масок, и все они так идеально к нему подходили, что ни у кого не возникало и тени сомнения в искренности этого милого мальчика, прекрасно воспитанного и умеющего так красиво говорить. И ни разу он не спутал маски, не вышел из образа, играл так естественно, что нельзя было его ни в чем заподозрить. Его хрупкое телосложение, утонченные черты юного лица всегда сбивали с толку, но на самом деле он был жестоким человеком с изуродованной душой и твердым характером, способным использовать любого, выделив ему роль в своей хитроумной игре. То разрушение, что мы творили с этой душой долгие годы, дало богатые всходы. Задатки лидера в полной мере нашли свое воплощение. Он виртуозно мог организовать что угодно и кого угодно. Все дары, данные ему от Господа нашего, были в полной мере направлены во зло людям и прежде всего ему самому. Чаще всего жизнь бывает более циничной и уродливой, чем наши самые смелые предположения.

Да, все это лишь слова. Но вы же понимаете, что за этой характеристикой стоят люди, судьбы, души, которые были им отравлены. Он творил то, что когда-то мы сотворили с ним, — творил хладнокровно, цинично, без сомнений. Это был продукт нашего безразличия, показной любви и отстранения от его жизни. Исковерканная, израненная душа стала жестокой и бесчувственной. Он больше не плакал, пришел мой черед умыться слезами.

Я долгие годы оставалась в полном неведении относительно истинного лица моего сына, маска «любящий сын и друг» так нравилась мне, что я была абсолютно слепой. Порой даже в откровенных ситуациях не видела и не замечала ничего, как будто мой разум впадал в какую-то детскую наивность. И лишь спустя многие годы я пришла к пониманию, осознанию, а главное, принятию той реальности, в которой жила. Трудно поверить, нет, даже не поверить, а просто осознать всем своим существом, что мой сын наркоман. **Иногда, глядя на него, понимала, что смотрю в глаза темноты, а темнота смотрит на меня.** Но как же поздно я это поняла, лишь через годы! Он умело скрывал свое истинное лицо, вел двойную, тройную, четверную жизнь. Конечно, маски будут сброшены, но об этом позже, гораздо позже!

Время разбрасывать камни — время собирать их! Как часто мы забываем о том, что за все надо платить. За все! И как порой наше равнодушие к собственным детям оборачивается страшной трагедией не только для нас, но и для всего общества. Пороки, как вирус, мгновенно распространяются и поражают все новые и новые души, неся за собой разрушение и боль.

Не ленитесь любить своего ребенка. Даря ребенку свою любовь и заботу, вы делаете надежные вложения в свою спо-

койную старость. Спокойная старость не цель, она должна стать следствием нашей жизни. Порой мы, в своем самозабвенном эгоизме, вдруг начинаем понимать, что наши дети превратились в «ничто», похожее на наших детей, и мы совсем не властны над ними. У нас нет авторитета, мы не можем влиять на них и на их мнение, на поступки. Они стали жестокими и черствыми. Наши слезы их лишь раздражают, а попытки запоздало спросить: «Что происходит в твоей жизни?», вызывают лишь саркастическую улыбку типа: «А не пошла бы ты со своими вопросами». Когда в семье начинаются проблемы, мы лихорадочно ищем виновных. А начинать нужно с себя! Только через свое покаяние и искреннее раскаяние, признание своих родительских ошибок можно увидеть изменения в жизни вашей семьи.

Давайте будем честными сами с собой. Что мы, родители, сделали, что бы наш ребенок стал счастливым человеком? Что мы сделали, чтобы ребенку дома было лучше, чем на улице? Я сейчас говорю не о вещах, не о еде, не об отдыхе летом или карманных деньгах, — я о ДРУЖБЕ, ЛЮБВИ, ВЕРЕ, ИСКРЕННЕМ ИНТЕРЕСЕ К НЕМУ И ЕГО ЖИЗНИ! Вот я о чем.

Задав пару-тройку дежурных вопросов типа «Ты выучил уроки?», «Ты поел?», «Когда вернешься с прогулки?», не воспитаешь в любви. А вот еще один наш любимый метод — телефонное воспитание. Контроль, нотации, нытье и брюзжание, и даже ласковые слова или слова одобрения, — все по телефону. А где же душа, нежность, теплота! Нет времени? Ложь! Просто лень. **Серьезное отношение к воспитанию своего ребенка — это огромный, кропотливый, ежедневный труд.** Именно этот труд — самый важный в нашей жизни, но мы предпочитаем выложиться на работе. Вот там мы проявляем всю гамму чувств — к чужим людям.

Вернувшись домой, превращаемся в нудных, скучных и надоедливых ворчунов. А если еще к этому добавить сложные отношения между родителями или семейную ссору, или, еще того хуже, ссоры с тещами и свекровьями?

И как же в этой обстановке жить ребенку? Потом мы удивляемся: «Чего ему не хватало?» Душевного тепла ему не хватало! Умоляю вас — не делайте детей заложниками ваших ссор или семейных разборок, не заставляете делать непосильный выбор. Разговаривайте с вашими детьми, слушайте их, не ленитесь отвечать на вопросы, не пренебрегайте их любопытством. Но главное — не поучайте вы их на каждом шагу! Постарайтесь увидеть в ребенке собеседника, услышите в его вопросах интерес к происходящему. Ведь не просто так он этим интересуется. Вот замечательный шанс направить его мысли в нужное русло. Помните, эти шансы будут не всегда! Только помните о мере. Мера во всем. **Не назидания, а дружеский диалог, не поучения, а совет.**

Прошу вас — не совершайте ужасных, непоправимых ошибок, за которые приходится очень дорого платить. Если вы равнодушно отмахнетесь от своего ребенка или создадите дома невыносимую обстановку террора — помните, на «улице» всегда найдется человек, который все объяснит, все растолкует, поймет, поддержит. У него будет масса времени и желание общаться. И вот тогда ваш ребенок перестанет быть вашим. И все истерики, слезы, крики и вопли будут запоздалыми и никому не нужными. Пришла беда — отворяй ворота!